

070991 Müxtəlif ölkələrin və xalqların ədəbiyyat tarixi
UOT 821 (091)

СОМЕРСЕТ МОЭМ: ВЗГЛЯД НА ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙЦА

Н.Ф.ГАСАНОВА

Бакинский Государственный Университет
Narmin.Gasanova@mail.ru

В статье рассматриваются произведения английского писателя – реалиста Сомерсета Моэма, посвященные Востоку. Исследуется творческая кухня писателя. Говорится об отношении Моэма к проблемам, связанным с пребыванием его соотечественников в далеких восточных колониях, о взаимоотношениях британцев с населением колоний.

Ключевые слова: Восток, колониальные владения, Британская империя, путешествие

Восток вошёл в произведения английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965) так же естественно и органично, как и в его жизнь. Пик его творческой деятельности пришёлся на первую половину XX века, когда, по справедливому замечанию его соотечественника и собрата по перу Джеймса Олдриджа, «Англия была несокрушимой мировой державой, уверенной, что ей до конца дней суждено занимать первое место в мире» (4, 7). Однако, имперские притязания и лозунги всё больше и больше подвергаются сомнению и критике не только в мире, но и в самой Британии. И произведения Моэма сыграли в этом не последнюю роль, хотя ни в одном из них вы не встретите откровенных политических или социальных высказываний.

Уильям Сомерсет Моэм, начало творческой деятельности которого совпало с периодом всемирной известности Кипплинга, очень высоко ценил своего старшего коллегу по перу прежде всего как мастера короткого рассказа. В одном из своих эссе он написал о Кипплинге: «...Открыв жанр экзотического рассказа, он указал писателям новое, плодородное поле для творчества. Речь идёт о рассказах, действие которых происходит в какой-нибудь малоизвестной читателю стране, где живёт белый человек, испытывающий на себе влияние чуждой жизни и контактов с людьми

иной расы. Другие писатели по-разному развивали эту тему, но Редьярд Киплинг был первооткрывателем этих неизведанных территорий, и именно он, как никто другой, придал им романтическое очарование, взволновал читателя и поразил его богатством невиданных красок» (2, 65).

Моэм стал одним из тех, кто последовал за Киплингом и продолжил открытие «этих неизведанных территорий» для европейского читателя. Для этого он совершил не одно путешествие по странам и островам, составлявшим колониальные владения Британской империи. В 1916 году писатель отправился в плавание к островам южной части Тихого океана. Позднее, до второй мировой войны, Моэм побывал в Малайе, Вест-Индии, Индии. После второй мировой войны он продолжил свои путешествия, посетив, в частности, Индо-Китай и Японию. Везде он с интересом наблюдал за жизнью «туземцев» и европейцев, волею судеб попавших на задворки империи. В результате, уже при жизни писателя вышел двухтомник его рассказов. Первый том получил общее название «Восток и Запад», второй – «Вокруг света». Следуя традициям английской реалистической прозы, Моэм написал ряд интереснейших рассказов, в которых его привлекает не столько Восток с его обычаями, романтикой и самобытностью (то, что было им высоко оценено в произведениях Киплинга), а европеец в этой непривычной для него реальности.

Во время своих путешествий Моэм с присущей ему наблюдательностью обращал внимание на всё, что могло ему помочь при создании будущих произведений. Вот как он об этом пишет в предисловии к двухтомнику своих рассказов: «Я плыл из Гонолулу в Паго-Паго и по привычке делал мимоходом зарисовки своих попутчиков, чем-нибудь обративших на себя моё внимание, – а вдруг в будущем пригодятся» (2, 310). Потому почти все рассказы писателя основывались на реальных событиях, а многие персонажи имели своих прототипов в жизни.

Так был написан рассказ Моэма «Дождь». Путешествуя по Южным морям, он как всегда делал записи, собирал материал. Встреча с четой миссионеров позволила ему по-новому взглянуть на этих «слуг Христовых». Религиозное ханжество, лицемерие и душевная опустошённость служителей государственной религии подверглись в этом рассказе беспощадной критике. Супруги-миссионеры Девидсоны в своём закоснелом фанатизме вызывают у рассказчика (повествование ведётся от имени доктора) лишь неприязнь и презрение. «По-моему, миссионер – не такая уж важная птица, чтобы чваниться. ...Основатель их религии не был так разборчив...» (1, 16) – в этих словах звучит неприкрытая ирония над святошами, чурающимися обычных людей – «грубого общества курительного салона». Взяв на себя миссию по перестройке и упорядочению жизни местного туземного населения, Дэвидсоны взвалили на себя «тяжкий труд» по изменению как внешнего их вида, так и образа жизни, привычек.

Ханжеская мораль английского буржуа, не единожды становившаяся мишенью для осмеяния ещё со времён Филдинга и Свифта, подвергается в этом рассказе со стороны Моэма уничтожающей критике. Больше всего миссионеры гордились тем, что им удалось отучить местное население от «неприличных» привычек и совершения «греха» согласно христианской религии. «Они нарушали заповеди одну за другой, не сознавая, что творят зло. Я бы сказал, что самой трудной задачей, стоявшей передо мной, было привить туземцам понятие о грехе» (1, 25). Это говорит Дэвидсон, уверенный в своей непогрешимости. С такой же уверенностью в своём моральном превосходстве он начинает преследовать спасающуюся от облавы проститутку. Однако, не устояв перед её грешными объятиями, он перерезает себе глотку. Таков безжалостный финал рассказа, в котором авторский приговор всякому фанатизму очевиден.

Взаимоотношения западного человека с населением далёких колоний, в которых он, с высокомерием представителя «цивилизованного» мира, пытается насаждать свои законы, тоска по дому, неизбежно сопровождающая его пребывание вдали от родины, нередко заканчиваются в произведениях Моэма подлинной трагедией для его соплеменников. «Что за трудное дело – быть строителем империи», – не без сарказма пишет автор, рассказывая о судьбе одного из них (1, 225). Не сумев прижиться на новом месте, этот «строитель империи» просто спился и был убит своей отчаявшейся женой (рассказ «За час до фэйф-оклока»).

Поводом для написания этого рассказа послужила реальная история. Писатель вспоминал, что однажды его пригласили на обед, где он познакомился с супружеской парой. Он был резидентом в одном отдалённом районе, где пристрастился к выпивке. Он так много пил, что даже брал с собой в постель бутылку виски. Именно эта деталь – бутылка виски, – по признанию автора, и послужила отправной точкой при создании сюжета. И хотя в реальности резидент, послуживший прототипом героя рассказа «За час до фэйф-оклока», отучился от своей пагубной привычки благодаря стараниям жены, Моэм придумывает другой, трагический, финал. Тем самым он ещё раз подтверждает свою теорию: «Писатель берёт от реального человека только те черты, которые ему нужны, и использует как крючок, чтобы зацепиться своей фантазией» (2, 324).

Европейцы представлены здесь во всём своём многообразии – англичане, немцы, шведы, норвежцы... Одних сюда привела жажда наживы, других – чувство долга перед родиной (резиденты и заместники), третьи движимы желанием насадить христианскую религию среди местного туземного населения (миссионеры). Некоторые (как в своё время Р.Л.Стивенсон) обосновались здесь в надежде излечиться от болезни лёгких. Кому-то удалось в итоге обрести материальное благополучие и физическое здоровье; многие же, раз попав сюда, больше не нашли в себе силы, чтобы вернуться домой. Так, об одном из своих героев (рассказ «Рыжий»)

Моэм пишет: «...Может быть, просто на него подействовали Южные моря и эти романтические острова. Иногда они странно действуют на человека, он оказывается пойманным, как муха в паутину. Возможно, он был не в меру впечатлителен, и эти зелёные холмы, этот разнеживающий климат, это синее море отняли у него силу северянина, как Далила отняла силу у Самсона» (1, 96). Судьба забросила героя этого рассказа на остров, где он прожил длительное время, окружённый любовью местной туземки. Казалось, этим отношениям на лоне прекрасной природы, которую европеец вправе назвать райской, никогда не суждено закончиться. Однако жизнь безжалостно разрушает романтическую идиллию: «рыжий» покидает остров, чтобы вернуться в привычный ему мир. А когда спустя много лет волею судьбы он вновь попадает на этот остров, в нём, как и в его бывшей возлюбленной, уже трудно узнать тех юных влюблённых, история отношений которых так потрясла рассказчика.

Моэм часто с восхищением пишет о красоте восточных женщин: «В ней была совершенная красота, говорящая о Вечном» (5, 103). Именно поэтому многие его герои, не устояв перед чарами местных женщин, связывают с ними жизнь. Но так же, как европейцу трудно прижиться на Востоке, так и восточной женщине тяжело жить в обстановке английской жизни. Потому героиня одного из рассказов Моэма («Заводь») уезжает из Лондона, куда её привёз муж-англичанин, и возвращается на родной остров в Тихом океане – подальше от цивилизации к простоте и свободе привычной ей жизни. Её муж – Лоусон – когда-то покинул Лондон и поселился на одном из Самоанских островов, чтобы подлечить больные лёгкие. Живя на острове, Лоусон невольно сравнивает его с окрестностями родного Девоншира и отдаёт предпочтение островной красоте: «Здесь всё отличалось тропической пышностью, сладострастием, благоуханным томлением, от которого замирало сердце. Человек, измученный дневной жарой, с наслаждением погружался в прохладную воду, которая освежала не только тело, но и душу» (1, 115). Он восхищается жизнью вдали от цивилизации, потому что она естественна, проста и даёт чувство свободы. Однако, связав свою жизнь с женщиной не из своего круга, постепенно теряет всё – родину, уважение и понимание сородичей, что приводит к трагической развязке: он кончает жизнь самоубийством.

Как мало в рассказах Моэма от благоухающего и пестрящего яркими красками Востока Киплинга! Герои реалиста Моэма едут в дальние страны далеко не с романтическими целями и мечтами. И итог их жизни очень часто не похож на финал сказки или *happy end* из кинофильма. Отсюда так много грустных ноток в его произведениях, а финал зачастую и вовсе трагичен. Его герои – реальные люди, которых он встречал, наблюдал или о которых ему поведали. И как любые живые люди они являются носителями всевозможных предрассудков, слабостей и болезней взрастившего их общества. Вот почему, как истинный реалист, Моэм не

мог не высказать своего отношения к такому распространённому явлению британского общества, как снобизм. Высмеянное не одним поколением английских писателей оно продолжало существовать и в XX веке. Как верно замечает В.Скороденко: «Ко временам Моэма снобизм пришёл обогащённый опытом многовекового колониального владычества, включая сложившийся в имперских условиях и вошедший в плоть и кровь нации социально-психологический стереотип британского офицера и джентльмена» (5, 16). И далее: «Из английских писателей XX века, может быть, никто не представил снобов так полно и в таком разнообразии видов, как Моэм, и многие из созданных им гротескных образов вполне могли бы претендовать на включение в теккереевскую «Книгу снобов», эту художественную энциклопедию явления в первой трети XIX века, но верную и для XX» (5, 16–17).

Для Моэма снобизм, взращённый на почве буржуазной посредственности, – это предрассудок, который порождает не только подобострастие, но также нетерпимость и фанатизм. Тот самый фанатизм, который он так безжалостно развенчал в истории о преподобном Дэвидсоне из рассказа «Дождь». Писатель создал целую галерею снобов как в своих романах, так и в рассказах – таких, как «Макинтош», «На окраине империи», «Заводь», «Записка», «Нечто человеческое», «В львиной шкуре» и многих других.

Герой рассказа «На окраине империи» резидент Уорбертон – истинный сноб, «с обожанием взирающий на всякую титулованную особу» (1, 152). Разорившись у себя на родине, он уехал из Борнео, где стал умелым правителем, и постепенно привязался к малайцам. «Однако он ни на минуту не забывал, что сам он – англичанин и джентльмен, и не прощал тем белым, которые позволяли себе перенимать туземные обычаи. Он не шёл ни на какие уступки. Он не последовал примеру многих и многих белых, берущих в жёны туземок, ибо интрижки подобного рода, хотя и освящённые обычаем, казались ему не только скандальными, но несовместимыми с достоинством настоящего джентльмена» (1, 155).

Уорбертон консерватор во всём – от своих закостенелых взглядов до костюма и еды. Он не желает изменять своим привычкам, чтобы не поддаться влиянию окружающей среды и не потерять уважения к себе, то есть сохранить чувство собственного достоинства. Тем не менее он по своему привык и к местному климату и к населению острова, один из которого – малаец Абас – служит в его доме. После двадцати лет службы он даже составил завещание, по которому, где бы он ни умер, прах его должны были перевезти в Сембулу и похоронить «среди народа, который он полюбил» (1, 156).

Но когда ему прислали в помощь Купера – уроженца одной из колоний (Барбадос), который не заканчивал привилегированной школы и известных университетов и не имеет связей, Уорбертон не нашёл в его

лице единомышленника и соратника в нелёгком деле служения империи. И тогда сноб Уорбертон с ужасом понял: «Тот мир, что был ему родным, отошёл в прошлое, а будущее принадлежит иному, менее достойному поколению» (1, 170).

В предисловии к своему двухтомнику рассказов Моэм написал, что резидента в рассказе «На окраине империи» он списал с британского консула в Испании, которого знал когда-то и которого давно уже не было на свете. Тем не менее, портрет получился настолько типичным и убедительным, что резидент в Сараваке, только потому, что именно там было место действия рассказа, пришёл в ярость, посчитав, что прототипом главного героя стал он. Моэм утверждал, что между этими двумя людьми не было ничего общего и он не собирался дать точный портрет живого человека, считая такой подход к созданию литературных персонажей крайне неразумным. Чтобы создать узнаваемый образ, наделённый определённой индивидуальностью, писатель должен иметь не только живую модель, но также воображение и фантазию.

Тем не менее, подобная реакция со стороны конкретного человека ещё раз доказывает, что цели своей автор достиг: показал истинного английского джентльмена (закостенелого сноба и служителя империи) с самой неприглядной стороны.

Восток всегда был притягателен для западного человека. Правда, союз этот, как показывает история, не всегда заканчивается благополучно. Моэм предельно осторожен и тактичен в отношении к восточным обычаям; он лишь предостерегает своих сограждан от необдуманных поступков и глупой самоуверенности, которые чаще всего сопровождают их пребывание на Востоке. Тем более, если они чувствуют себя здесь хозяевами, а не гостями.

Спустя почти полвека после смерти Сомерсета Моэма можно с полной уверенностью сказать, что все его книги проникнуты искренней любовью британца к своей стране, а также неподдельной гордостью за достижения национальной литературы. Но есть в них ещё одна немаловажная черта – глубокое уважение к другим народам. Уильям Сомерсет Моэм не только увидел и описал Восток глазами европейца. Он также взглянул на привычный ему мир со стороны, через Восток. Ведь, как известно, только взгляд со стороны позволяет нам понять и правильно оценить свою собственную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадалбейли У.И. Очерки современной английской литературы. Баку: Университет Азии, 2009, 133 с.
2. Моэм С. Дождь. Рассказы. М.: Мир, 1964, 432 с.
3. Моэм С. Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1989, 399 с.
4. Моэм С. Собр. соч. в 5-ти томах. Т. I. М.: Художественная литература, 1991, 671 с.

5. Олдридж Дж. Предисловие в кн.: Моэм С. Дождь. Рассказы. М.: Мир, 1964, с. 5–14.
6. Скороденко В. Достигнутая гармония. Вступит. статья в кн.: Моэм С. Собр. соч. в 5-ти томах, т.1. М.: Художественная литература, 1991, с. 5–26.
7. Скороденко В. Практическая эстетика Уильяма Сомерсета Моэма, или секреты творчества. Вступит. статья в кн.: Моэм С. Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты. М.: Художественная литература, 1989, с. 3–22.

SOMERSET MOEM : AVROPALI GÖZÜ İLƏ ŞƏRQƏ BAXIŞ

N.F.HƏSƏNOVA

XÜLASƏ

Məqalədə ədəbiyyatın ən çox maraq doğuran problemlərindən biri - Qərblə Şərqi qarşılıqlı əlaqəsinə baxılır. İngilis yazıçı - realisti Somerset Moemin yaradıcılığı tədqiq olunur. Yazıçının Şərqə həsr olunmuş hekayələri ətraflı nəzərdən keçirilir. Moemin süjet və obrazları yaratmağa necə yanaşması, Şərqdə yaşayan avropalılara nə cür qiymət verməyi haqda danışılır. Avropalılarla Britaniya koloniyalı yerli əhali arasında qarşılıqlı əlaqəyə tənqidi münasibəti vurğulanır.

Açar sözlər: Şərq, müstəmləkə mülkiyyəti, Britaniya imperiyası, səyahət

SOMERSET MAUGHAM : A EUROPEAN LOOK TO THE EAST

N.F.HASANOVA

SUMMARY

The article studies one of the most interesting problems in literature – relationship between East and West. The English writer Somerset Maugham's creative work is investigated. The writer's stories dedicated to the East are analyzed. Maugham's approaches to the plot and images in his works, his description of Europeans living in the East are illustrated. His critical attitude to the interrelationship between Europeans and indigenous people of British colonies is highlighted.

Key words: East, colonial possessions, the British empire, travel